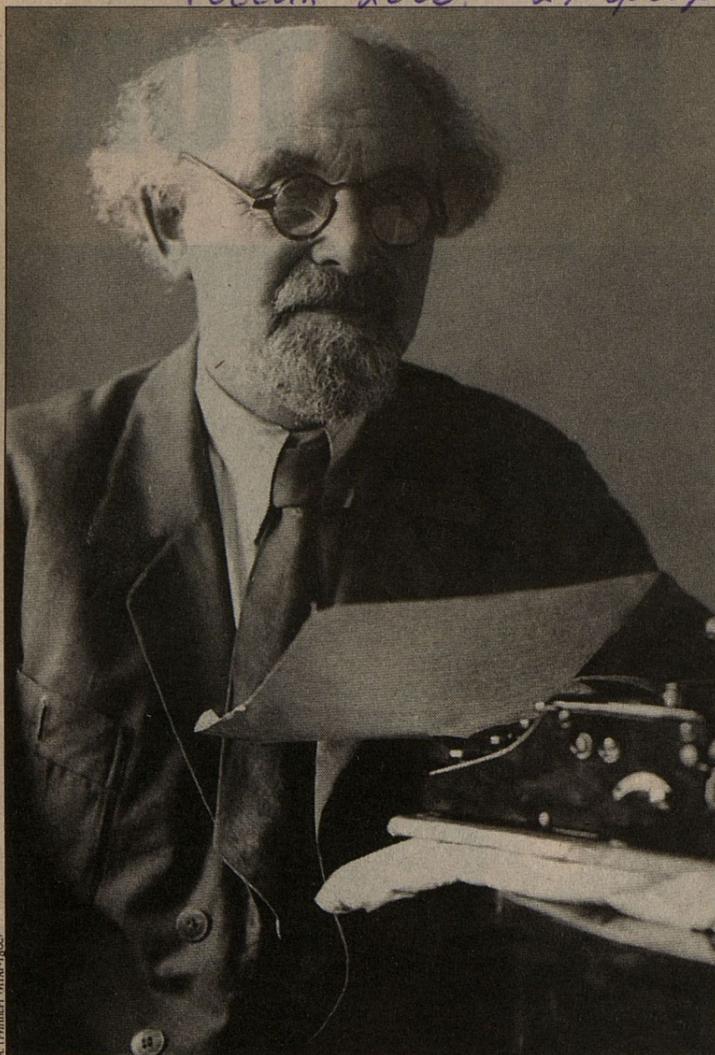

Россия, 2003 — 27 февр. — с. 24-25

Раскаленное сердце

Алексей Варламов

В 1902 году **Михаилу Пришвину** исполнилось двадцать семь лет. Закончился относительно счастливый для России девятнадцатый век, век расцвета русской литературы.

Недотепа

Если отбросить все экивоки, то в ту пору Пришвин был, попросту говоря, недоросль, никчемный человек, недоучившийся студент и горе-революционер, за спиной у которого сплошные несчастья, провалы и поражения, а ничего материального, практически пригодного создано не было. Все вокруг, казалось, нашептывало: неудачник. Даже опыта в отношениях с женщинами у него не было (или почти не было: пыталась его было соблазнить в Риге некая железнодорожная служащая по прозвищу Жучка, но не соблазнила — и с горя вышла замуж за их общего товарища по революционному кружку, и тут уж Пришвин взвился и стал делать ей предложения, но она ему отказала). Зато было много рассуждений о целомудрии и чистоте, идеализма и прекрасных порывов души, по поводу чего можно вспомнить Любовь Андреевну Раневскую из «Вишневого сада»: «Вы не выше любви, а просто, как вот говорит наш Фирс, вы недотепа. В ваши годы не иметь любовницы!»

И все-таки тем и отличаются по-настоящему талантливые люди, что даже свои неудачи умеют обратить себе на пользу для внутреннего развития, и потому напрасно эти годы для Пришвина не прошли. Что-то исподволь, медленно, осто-

рожно зрело в его душе, ждало срока. И неудивительно, что позднее, размышляя о природе успеха и неуспеха, писатель занес в дневник: «Только измерив жизнь в глубину своей неудачей, страданием, иной бывает способен радоваться жизни и быть счастливым; удача — это мера счастья в ширину, а неудача есть проба на счастье в глубину».

Лаура

В полной мере ему предстояло испытать счастье и несчастье во всех измерениях в истории своей запоздалой и очень сильной первой любви, и случилось это за границей, куда Пришвин уехал учиться на агронома. Звали его Лауру Варварой Петровной Измаковой. Знакомство с ней произошло благодаря его приятельнице, замужней даме, которая переживала в ту пору тяжелую внутреннюю драму в личной жизни, уходила и возвращалась к мужу, а немолодой студент играл роль посредника в отношениях между супругами. Она пряталась в Варей, а само действие происходило в парижском пансионе, где было много французов. Двое земляков непринужденно беседовали на родном языке, на столе стояли в вазе красные цветы. Пришвин потихоньку оторвал большой лепесток и положил девушке на колени...

Однако дальше целомудренного жеста их отношения не пошли. Они ходили в театр, много говорили, и Варвара Петровна призналась, что не могла бы жить в России среди мужиков (к чему готовился Пришвин), он приводил в ответ литературные доводы. Потом провожал ее домой, философствовал, рассуждал о Канте, а однажды сделал молодой дворянке замечание, когда в конке оказался усталый потный рабочий и дамы, зажав носы, демонстративно вышли на площадку.

— Даже если б я был аристократом, то не позволил бы себе так оскорблять рабочего.

— Я не думала, что вы такой глубокий, — ответила она, смутившись и покраснев.

И в этот момент он понял, как сильно любит ее. «Я ее так полюбил навсегда, что потом, не видя ее, не имея писем о ней, четыре года болел ею и моментами был безумным совершенно и удивляюсь, как не попал в сумасшедший дом. Я помню, что раз даже приходил к психиатру и говорил ему, что за себя не ручаюсь».

Будемте друзьями

Отчего они расстались? Девушка нашла что-то обидное в одной из его записок.

«Вы фантазер?» — спросила она с таким выражением: можно ли на вас положиться... ведь это несерьезное, это ненастоящее.

Как это больно кольнуло меня. Но я сейчас же справился и говорю ей: «Нет же, нет, я не фантазер, но пусть фантазер, но я знаю, что из моей фантазии рождается самая подлинная жизнь. Своей фантазией я переделаю, я сделаю новую жизнь...»

Боже мой, как верил я в то, что говорил, как это ясно было для меня и как хотелось мне убедить ее, заставить и ее поверить.

«Но что же мы будем с вами делать?» — спросила она. «Как что? — отвечаю я. — Мы уедем с вами в родные места, поселимся вместе и будем так жить прекрасно, что свет будет от нас исходить. Мы будем радоваться жизни, и все вокруг нас будет радоваться».

На другой день все опять заколебалось. Она мне сказала: я не могу решить окончательно, кажется, вы слишком большой фантазер, чтобы на вас положиться. Вы живете повышенной жизнью, которой живут художники, артисты... Ну так что ж, говорю я, ведь это хорошо. «Конечно, — сказала она, — но, как вам сказать, в сущности же я вас вовсе не знаю». — «Да как

же не знаете, я весь перед вами. Я вам могу все сказать о себе... вы должны видеть меня...»

— Вы фантазер, — сказала она, — будемте пока только друзьями.

Она ушла и назначила мне свидание на завтра. Я пошел от нее в парк, в поле, в лес, между прудами...

Наутро она пришла к нему и подала письмо, где было написано, что не любит его, хотя лицо ее выражало иное. «Она мне ответила на один миг и, когда одумалась, отказала. Это был острый удар в грудь. Я уехал от нее... Я уехал... Сердце мое было раскаленный чугунный шар».

Лучшее

Останется с вами

Пришвин вернулся в Россию, с горя сошелся с простой крестьянкой, стал отцом, потом ребенок умер, родился еще один. Но и после всего пережитого он не забывал Варвару Петровну и несколько лет спустя неожиданно получил от нее письмо. Измакова сообщила ему о приезде в Петербург и назначила свидание. Ему было откуда-то известно, что она собиралась выйти замуж за профессора в Берлине, но в последний момент передумала и профессору отказала. Все могло решиться в одночасье, но несчастный возлюбленный, словно сам был старым и рассеянным профессором, перепугал день встречи и явился на вокзал сутки спустя назначенного свидания, когда окончательно и бесповоротно разгневанная Варвара Петровна уехала навсегда — «мне только случайно не удалось попасть на этот пир, и, вероятней всего, был заменен кем-нибудь другим, может быть, третьим, но это уж, конечно, ликвидация».

«Что было бы, если бы я сошелся с этой женщиной? Непременное несчастье: разрыв, ряд глупостей. Но если бы (что было бы чудо) мы устроились... да нет, мы бы не устроились».

Он, правда, ее очень любил. Все, что ни было важного в пришвинской жизни, второстепенно по сравнению с историей этой любви, а вернее, берет из нее начало и к ней возвращает-

Певец природы был удачливым охотником

ся: и литература, и секты, и декаденты, и революция, и охота, и скитания по стране, и несчастная семейная жизнь.

В 1912 году, десять лет спустя после их разрыва, довольно известный писатель (у Пришвина в том году вышло в горьковском «Знании» первое собрание сочинений) с трепетом в душе послал ей свои книги и написал их: «Помните свои слова: — Мое лучшее, да, лучшее, навсегда останется с вами!»

Забыли?.. А я храню ваш завет: лучшее со мной. Пришвин от Вашего лучшего».

И вот ответное письмо. «Я узнал его по английской марке... Я распечатал письмо и решил на чтение, как решаются в жаркий день сразу броситься в холодную воду».

И что же пишет эта загадочная женщина? Благодарит его? Удивляется? Кусает локти и жалеет о своей суровости и о том, что не разглядела в тогдашнем неудачнике человека, который сумел сделать себе положение, да еще какое?!

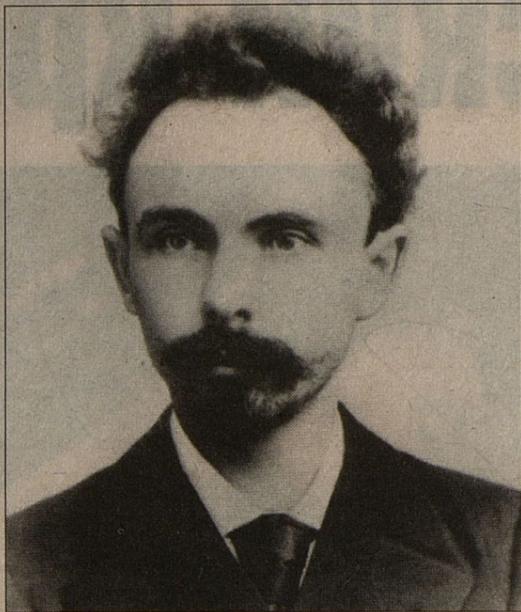
А ничего подобного! «Я получила Ваше письмо и книги, но не ответила Вам сразу, потому что надпись на одной из книг возмутила меня. По какому праву берете Вы на себя монополию на то, что есть во мне «лучшее»? Поверьте, Михаил Михайлович, мое «лучшее» осталось при мне, и было, и будет со мной всю жизнь, потому что не может один человек отнять от другого то неотделимое и невесомое, которое называется «лучшим». А разве может женщина с седеющими волосами быть ответственной за слова и поступки двадцатилетней полудевочки? Годы, пропасть, Михаил Михайлович, и если бы мы с Вами встретились теперь, то мы друг друга не узнали бы».

«Мне было очень больно, Варвара Петровна, что Вы не поняли мою надпись на книге. Я думал о том, «лучшем» детском, которое весь мир бросает как ненужное нам, мечтателям, поэтам и художникам, и мы возвращаем его миру обратно. Я же у Вас ничего не отнимал, а просто подобрал ненужное Вам (это Вы и теперь не цените) и назвал его своим и Вашим «лучшим».

Я потому называю страшным Ваше письмо, что оно пустое, голое, как скелет, и в то же время искреннее (скелеты самые искренние).

Скелетных писем мне больше не нужно от Вас. Но я напишу Вам теперь еще лет через десять и пришлю Вам основную книгу, эта книга будет о Вас самой, и Вы тогда совершенно седа, как императрица Мария Федоровна, поймете наконец, что значит: «привет от Вашего лучшего». Рыцарь Максим.

P.S. Эту книгу напишет рыцарь Максим, и книга эта

**В ту пору Пришвин был,
попросту говоря, недоросль,
никчемный человек,
недоучившийся студент
и горе-революционер,
за спиной у которого
сплошные несчастья,
провалы и поражения,
а ничего материального,
практически пригодного
создано не было**

будет знаменитой. Это совершенно серьезно (потому что в ней же все мое счастье и горе будет)».

Остановленное мгновение

Пройдут еще те самые десять лет, через которые Пришвин грозился опшелошить седую, как императрица, свою возлюбленную, и умудренный писатель, теперь уже никого не осуждая, совершенно иначе напишет о своем первом любовном романе: «Он обобрал ее как девушку совершенно, взял с собой всю ее девичью душу и не дотронулся даже до тела, а потом, через десять лет, когда она совершенно высохла в бюро и посела даже, то послал ей копию с его картины — портрет ее прекрасной души, — какое можно выдумать большее оскорбление! Между тем он был искренним, потому что он был художник и считал, что остановленное мгновение жизни дороже проходящего. Она же и была вся там, в этом проходящем мгновении. (Для чего ее разбудили!)».

В тридцатые годы в эрнических и серьезных одно-временно размышлениях о загробной жизни Пришвин написал с невероятной тоскою, ощущая, как проходит без любви жизнь:

«Только вот одна невеста моя, с ней бы я встретился, я бы все отдал за это, я готов до конца жизни на железной сковородке прыгать или мерзнуть, лишь бы знать, что на том свете с ней встречусь и обнимусь».

Она не принесла ему мужского счастья (если только есть такое понятие в противовес счастью женскому), даже не так: он не захотел это счастье взять — она то была готова его отдать, но вместо того разбудила в нем поэта, и он проклинал и благословлял судьбу одновременно за то, что так произошло — вот еще одна причина вечной пришвинской раздвоенности и противоречивости и такое страстное стремление к цельности.

«Если бы я не сделался поэтом, то есть вором «лучшего» в женщине, а женился бы «по любви» (как бывает), то я бы непременно разочаровался...»

Уже будучи пожилым человеком, вспоминая свою жизнь и подводя некоторые предварительные ее итоги, Пришвин записал в дневнике:

«Голос «прозевал» говорил мне о девушке, которая откинулась в кресле, закрыла глаза, вдруг вспыхнула и прошептала: «За такое чувство можно все отдать». А я ей читал в это время с бумажки исповедь своей любви к ней, все видел и почему-то не смел. И так прозевал я, пропустил навсегда единственную, предоставленную мне минуту блаженства в жизни самой по себе. Так было назначено мне — променять жизнь свою на бумажку».

Своя дорога

Самое поразительное, что в Англии, как долгое время считалось и кочевало из одной книги о Пришвине в другую, как считал, наконец, и сам Михаил Михайлович, Измалкова не осталась, и обыденная версия, будто пришвинская муза захирела в роли банковской служащей где-то в Лондоне — так и хочется вспомнить есенинскую Анну Снегину — несостоятельна. Накануне революции она вернулась в Россию, и имя ее упоминается в «Дневнике» Александра Блока — когда-то хорошего пришвинского знакомого, но к той поре публично оскорбленного им оппонента.

В 1921 году Измалкова работала переводчицей в издательстве «Всемирная литература», куда ее мог привести либо Корней Чуковский, либо Евгений Замятин, либо Николай Гумилев, известный склонностью к молодым красивым женщинам.

В Петербурге — Ленинграде она прожила как минимум до 1934 года, преподавая после упразднения издательства в 1924 году в Ленинградском химико-техно-

логическом институте имени Ленсовета, после чего следы ее теряются... Но именно благодаря любви к Измалковой родился писатель.

Однажды он отправил ей наудачу письмо: «Глубокоуважаемая Варвара Петровна. Пробую на счастье послать это письмо Вам по адресу 1912 года и просить Вашего разрешения отправить Вам свои новые книжки, в которых я, мне кажется, добился языка Вам понятного и близкого...» А через два месяца печально отметил в дневнике: «Вчера вернулось письмо из Англии обратно».

Так что, может быть, напрасно ломают головы ученые, размышляя над тем, почему Пришвин отошел от модернизма и декадентства и двинулся в сторону наивного реализма или еще в какую-то другую, зря пишут диссертации и изучают

литературные связи, школы, группы, влияния — вся эволюция пришвинского письма заключалась в единственном, простейшем и трогательно-необходимом — научиться писать на понятном для Варвары Петровны языке.

А знала она об этом или не знала, читала или не читала, очень легко могла и прочесть, ведь в конце двадцатых — начале тридцатых Пришвин был невероятно популярен (в анонсах «Красной нови», где писателей выстраивали по ранжиру, стоял на третьем месте после Горького и Алексея Толстого), одному Богу ведомо. В любом случае ему была своя дорога, ей — своя...

И наконец последняя запись уже совсем пожилого человека, подводящего итог жизни: «Чем больше, и дальше, и глубже прохожу свою жизнь, тем становится все яснее, что Она мне необходима была только в ее недоступности: необходима была для раскрытия и движения моего духа недоступная женщина, как мнимая величина».

Но прежде чем раскрыть свой дух, ему нужно было преодолеть еще одно испытание, которое одни люди (точнее мужчины) проходят легко и незаметно, а другие чудовищно тяжело.

Пришвин был из породы вторых — из тех, кого, как правило, и вербует искусство.

«Любовь была задержкой половому чувству (на Прекрасной Даме нельзя жениться!)».

Но это уже другая история...

Писатель с женой Валерией